

КриБ, или Красное и белое в жизни тайного пионера Вити Молоткова

Автор:

[Марк Олейник](#)

КриБ, или Красное и белое в жизни тайного пионера Вити Молоткова

Марк Олейник

Не просто книга!

Жизнь Вити Молоткова очень хороша: папа – директор большого завода, успешно строит коммунистическое будущее для всех своих рабочих, мама давно не работает и коллекционирует фарфоровые статуэтки, дома у них нередко праздники и застолья. Только вредная старшая сестра Клара иногда портит картину, но в основном она занята своим ухажером-программистом. Все меняется после поездки семьи в Марокко – там Молотковы встречают настоящую княгиню, и их коммунистические устои начинают шататься.

В жизни семьи происходят удивительные события, сперва смешные, а потом и страшные. Но закончится все хорошо. А Витя найдет ответы на очень сложные вопросы: Можно ли устроить счастье для всех? Как достойно встретить неприятности? В чем разница между чудом и удачей? И главное: почему нельзя делить людей на своих и чужих – на красных и белых.

Марк Олейник

КриБ, или Красное и белое в жизни тайного пионера Вити Молоткова

© М.Олейник, текст, 2019

Глава первая

Красный дом

Сегодня седьмое ноября – «красный день календаря», как говорит мой папа, который в этот день родился.

Он утверждает, что раньше это был выходной и можно было не идти ни в гимназию, ни на работу. В нашей семье седьмое ноября и сейчас выходной – папа остается дома и мама тоже. Ей несложно. Она хорошо если раз в неделю из дома выбирается. Мы с сестрой не учимся. Раз папа сказал, что выходной, вот мы и отдыхаем.

Работает как ненормальная в этот день «наша помощница» по имени Дуня. Я как-то раз случайно назвал ее прислужгой, но папа так накричал на меня, что я запомнил: этого делать нельзя. Ни? когда.

– Дуня не прислуга! – орал он, и лицо у него было красным, как флаг, висящий в его кабинете. – Это у буржуев прислуга, а Дуня нам помогает! Помогает! Запомни!

Я от ужаса что-то лепетал и думал, как бы язык не вывалился изо рта. Почему-то у меня от страха всегда язык вырастает и едва ворочается.

Папа продолжал кричать, и даже уши у него стали пунцовые, а рядом на полусогнутых дрожала бледная и испуганная Дуня, как всегда одетая в белую кофточку и черную юбку. Я, когда был маленький, думал, что она школьница. В гимназии, где я учусь, так принято: белый верх, черный низ.

Седьмое ноября – самый главный праздник в нашей семье, даже более главный, чем Новый год. Седьмое ноября у нас как несколько десятков Новых годов.

Во-первых, в этот день украшается «большая комната». Не вздумайте назвать ее «столовой» или «гостиной», если придете к нам в гости, – папа вас сразу убьет. «Большая комната» и правда большая, в ней метров сто, и все стены в ней в этот день в красных звездах. Звезды эти, правда, не стеклянные, как та одинокая штучка, которую надевают на макушку елки, но зато их много – не меньше тысячи.

Звезды лежат в специальной коробке в одной из кладовок и достаются раз в год. Папа привез их откуда-то из-за границы, и сделаны они действительно хорошо: все время как новые, их легко прицепить к стене и так же легко отцепить – следа не остается.

Моя старшая сестра Клара, она уже студентка, каждый год попрекает меня тем, что раньше, когда я еще не родился, ей приходилось эти звезды вешать одной. Как будто я родился после нее потому, что задержался где-то, заболтался с приятелем! При этом я ее понимаю: и вдвоем-то развесить все звезды не просто.

Стол на седьмое накрывается такой, что любо-дорого посмотреть. Дуня перед праздником не спит, еще и ночью готовит, собираются толпы гостей, спать меня рано не отправляют, но самое главное – в этот день все без исключения получают подарки. Папа очень щедрый.

– Мы, – говорит он, – коммунисты, должны делиться со своими товарищами всем, что у нас есть.

Папа у меня коммунист. Очень богатый коммунист. В этом нет никакого противоречия, потому что если капиталист разорится, то он будет бедный, а если коммунист разбогатеет, то будет богатый. Хотя, в принципе, я об этих материях много не думаю – какая разница, во что верит твой папа, если он щедрый. Кроме того, у него есть и другие качества, которые мне нравятся. Но про них потом.

Но вернемся к началу, а то я могу долго болтать. Итак, Дуня наверняка чем-то там шипела на кухне, но я этого не слышал: кроме «большой» у нас в квартире еще двенадцать комнат, это если не считать ванн и туалетов, гардеробных и кладовок. Я не хвастаю, просто, во-первых, это не очень весело – брести через всю эту огромную квартиру к своей комнате, к слову сказать, вполне маленькой, а во-вторых, часто я вообще не знаю, что происходит в других углах – например,

есть кто-нибудь дома или нет. У нас как в лесу.

Впрочем, почти всегда дома сидит сиднем моя мама. «Сидит сиднем». Так про нее папа говорит. «Раньше, – говорит, – порхала, как фреза, а теперь сидит сиднем». Я толком не знаю, что такое фреза, а слово «сиднем» напоминает мне тесто, хотя я и в нем тоже не очень разбираюсь.

Мама на тесто не похожа. Наоборот, она похожа на фарфоровую статуэтку – вроде тех, что она коллекционирует. У нас в квартире есть отдельная комната, где вдоль всех стен стоят стеклянные витрины, а в них сотни или тысячи статуэток. Я как-то пробрался туда и вытащил одну, хотя это категорически запрещено. Но мне показалось, что она похожа на маму – такая же холодная и стройная.

Странно, но мама сразу обнаружила пропажу. На меня все набросились, а я не признался. Дело в том, что к этому моменту у статуэтки отвалилась голова. Как – ума не приложу.

Маму зовут Елена – ей очень идет это имя. Оно сияет на ней, как новенькая этикетка. Я вообще думаю, что мама никогда не постареет. Это у меня будет седая борода, а она останется все такой же.

Папа и мама очень подходят друг другу. Он – невысокий, коренастый, с большим животом, но не рыхлым, а твердым, будто бронированным. Голова у папы квадратная и немного лысая, а нос и уши большие, так что он немного похож на очень энергичного слона. Это я не критикую его внешность, а пытаюсь описать ее так, чтобы вы могли представить моего папу наилучшим образом.

Мама стройная, как я уже сказал, и высокая. Никто не знает, о чем она думает. Она похожа на Аленушку, которая ждала-ждала Иванушку, а потом просто забыла, зачем вообще тут сидит. Мама, получается, как лед и камень, а папа – волна и пламень. Они дополняют друг друга, и это отмечают все.

Мы с Кларой еще не успели до конца оклеить стены звездами, а уже стали появляться первые гости, что я лично считаю свинством. Может быть, потому, что самый первый гость всегда приходит еще до того, как Дуня накроет на стол. А может, про свинство я думаю потому, что гость этот кажется мне похожим на свинью.

Я знаю, так думать нельзя, тем более что это папин ближайший, как он говорит, «соратник», его заместитель на заводе, а заодно и парторг. Когда я услышал это слово впервые, то сразу представил себе продавца, который торгует парами обуви. Теперь-то я уже знаю, что он на папином заводе главный коммунист, «партийный организатор», а не лавочник. Зовут это чудо Климент Серпов. Если вы думаете, что таких имен в наше время не бывает, то готов поспорить на щелбан. Я уже спорил с пятью одноклассниками, они тоже не очень верили, можете у них спросить, умею ли я эти самые щелбаны бить.

Мама проводила Серпова в папин кабинет, куда можно попасть из большой комнаты, и я наклеил последнюю звезду в тот самый момент, когда дверь за ним закрылась. Закрылась, но не до конца, и я случайно стал подслушивать.

– Владимир, – начал Серпов.

Да, забыл сказать, что зовут моего папу Владимир, хотя теперь вы это и без меня знаете. А полностью – Владимир Ильич.

– Владимир, – Серпов со скрипом уселся в кресло. И это не кресло скрипело, а он сам. – Я должен сказать тебе правду. Лучше всего тебе на время уехать. Положение сам знаешь какое.

– Что? – папа начал ходить по комнате, и полы стали немного дрожать: весит папа больше ста килограммов. – Так плохо? Так опасно?

– По-пролетарски скажу... – и на этом месте дверь закрылась.

– Что? – язвительно сверкнула глазками-булавками Клара. – Не удалось подслушать?

Мне оставалось только промолчать, потому что подслушать действительно не удалось.

За закрытой дверью папа и товарищ Климент – он настаивает, чтобы именно так его называли, – провели полчаса. За это время Дуня умудрилась соорудить стол человек на тридцать-сорок – меньше у нас в этот день не бывает. Мы помогали, конечно.

День особенный, поэтому и блюда на столе особенные, со смыслом. Преобладать должен красный цвет, так что избежать винегрета, багрового заливного, селедки под шубой, красной рыбы и икры – тоже, понятно, красной – никак невозможно. Подается все это в красной посуде, а главное блюдо, тушенная в помидорах баранина с красным перцем, помещается в центр стола в отлитой на заказ большущей емкости в виде красной звезды.

Несложно догадаться, что взрослые пьют клюквенную и красное вино. Мне и остальным детям и недорослям полагается малиновый морс.

Мне нравится, когда приходит столько гостей, я был бы даже не против, чтобы они пожили у нас немного, заняли лишнюю площадь. Постепенно стало шумно, появились посторонние запахи, ведь каждый из гостей принес свой, – в общем, получилось радостно и от всеобщего мельтешения приятно рябило в глазах.

Наконец из кабинета вышел Серпов, и его приветствовали собравшиеся – в основном папины «коллеги, единомышленники, соратники», ну и, конечно, подчиненные. Попробовали бы они не любить папиного заместителя, не говоря уже о самом папе.

Мама вышла к столу в красном платье, и ее тоже поприветствовали. Папа в кумачовом галстуке сорвал ожидаемый аплодисмент и приготовился говорить речь. Потом все остальные тоже будут говорить и поздравлять, но начинать есть можно только после папиных слов.

– Товарищи! – сказал он, вставая. – Разрешите в этот особенный для всех нас день поздравить вас с годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции! Ура, товарищи!

Товарищи согласно и с энтузиазмом слаженно крикнули «ура» и выпили. Я тоже выпил морса и потянулся было к винегрету, но вскочил товарищ Климент, и моя рука глупо зависла на полпути.

– Товарищи! – взволнованно произнес тонким голосом товарищ Климент, держа в руке вилку с нанизанным на нее куском. – Предлагаю сразу поднять бокалы за второго виновника сегодняшнего торжества, за нашего любимого Владимира Ильича...

– Ленина! – лязгнули остальные гости и захохотали.

Почему-то я каждый год забываю про то, что папин заместитель обязательно вылезет сразу за ним и скажет эти слова, всегда одни и те же, которые закончатся одной и той же шуткой.

Папа мой никакой не Ленин. С другой стороны, Леной зовут мою маму, следовательно, папу все-таки можно назвать Лениным, раз он муж мамы. Мне эта шутка кажется глупой, и, наверное, поэтому я про нее забываю.

Я люблю папу и считаю лишним и даже противоестественным давать ему посторонние имена, когда у него есть свое собственное.

– Что ж, – сказал папа и взял половинку яйца с горкой красной икры сверху (это сооружение символизировало на празднике победу красных над белыми). – Что ж, – повторил он и откусил половину.

Гости начали энергично жевать. Я – тоже. За столом плохо ели два человека. Это моя мама и Клара – обе берегут фигуру. Смешное выражение. Чего, спрашивается, «беречь» фигуру? Как будто она может убежать или упасть и разбиться.

Я не очень люблю смотреть, как едят чужие люди. Точно так же не люблю, когда смотрят на меня, когда я жую. А еще из-за того, что вся еда на столе была красного цвета, рты у всех тоже стали красными – в общем, все это выглядело как вечеринка у вампиров. И мой папа был на ней главным.

Вы спросите, стесняюсь ли я его. Считаю ли идиотом. Нет. Хотя многие со стороны решили бы, что мой папа именно идиот, я утверждаю, что это не так. Просто папа искренне верит, что все люди на земле должны и могут быть счастливы. Если же вы думаете, что желать счастья другим людям, вам в том числе, – идиотизм, то будьте здоровы, как говорится, не хотел бы я быть вашим знакомым.

Гости зашумели, я поднял глаза от тарелки и оценил обстановку. Сейчас начнутся тосты, во время которых есть нельзя. Я быстро ухватил кусок рыбы. Я на этих праздниках присутствую с самого рождения и к своим одиннадцати годам все тосты выучил наизусть. Мог бы сам прочитать их. Вслух, как стихи.

Кстати, о стихах. Всем известные слова «а из нашего окна площадь Красная видна» – это прямо про нашу квартиру. Я даже сейчас со своего места могу поглядывать на мавзолей.

После площади я прошелся взглядом по комнате и привычно наткнулся на портрет Ленина – в этот раз настоящего, он висит над входом из коридора. Там у нас двери большие, двустворчатые, со стеклами.

Про настоящего Ленина папа говорит, что он самый главный революционер на свете. Я не то чтобы не верю, но мне странно, что старенький дяденька вообще может быть революционером. Ведь революционер – это прежде всего герой. А где вы видели старого лысого героя со смешной бородкой и в пиджаке?

Я мысленно закрыл лысину Ленина волосами, потом удлинил их и немножко завил – наверное, потому, что напротив сидела тетенька с кудрями. Дальше я увеличил и распушил Ленину бороду и перекрасил ее в черную, так что она стала торчать, как зловещий веник.

Добавил ему один шрам на щеку и парочку на лоб, но потом стер: очень страшно получилось, и вообще нездоровый вид, как будто это не революционер, а разбойник. Пиджак я заменил на кожаный плащ до пола и стянул его в талии так, что она стала тонкой, а плечи у Ленина выросли и надулись. В одну руку я вложил ему красный серп, а в другую – красный молот.

– За серп и молот! – заорали в этот момент гости, и я отвлекся.

Лица у гостей стали красные, и крики были в очередной раз в честь папы, революции и еще удачного сочетания фамилий. Как я уже говорил, фамилия папиного заместителя – Серпов, а папина, то есть, конечно, и моя – Молотков. Все этому из года в год радуются как ненормальные. Хлопают друг друга по плечам, целуются и говорят, что в братстве серпа и молота вся сила. Из чего следует, что мой папа с Серповым вроде как братья, но это бред. К которому приводит, вероятно, чрезмерное употребление винегрета.

Приближался самый тяжелый момент. Теперь, когда все поели и как следует выпили, папа должен был взять баян и начать извлекать из него ревущие звуки, под которые все будут хором орать и, что еще хуже, танцевать.

Раньше я делал вид, что пугаюсь толстых дяденек и тетенок, которые скачут, как слоны с бегемотами, – они и вправду могли меня задавить, не заметив, – и прятался под стол. Теперь этот номер не пройдет, так что я приготовился страдать, но, как выяснилось, зря.

Возникла странная пауза, и в тишине стало слышно, как столовые приборы лязгают о зубы гостей, а потом Серпов своим тонким голосом, совершенно не вяжущимся с его толстыми щеками, произнес:

– Италия?

Именно так, с глупой вопросительной интонацией, словно все знают, о чем речь, и тотчас начнут соглашаться или спорить.

– Слишком буржуазно, – отозвался папа.

– Тогда в Китай, – товарищ Климент скривился так, как будто сказал что-то очень умное.

– Оппортунисты, – сказал папа в ответ, и я понял, что он ругается. Если он кого называл оппортунистом, это означало одно: пиши пропало, кто-то «сильно проштрафился» – еще одно папино выражение.

Так сложилось, что папа в свой красный день сидит во главе стола с одной стороны, а мы с мамой и Кларой – с противоположной. Поэтому сначала я увидел, как стали что-то понимать в происходящем ближние к папе и Серпову гости, потом те, что рядом с ними, и постепенно смысл доплыл и до нас, как лодка по реке.

– Не волнуйтесь, товарищи, – пропищал Серпов. – Дело в том, что нашему дорогому Владимиру Ильичу нужно на время уехать из страны, потому что недоброжелатели не дремлют.

Я попытался представить себе этих недоброжелателей и не смог. Думаю, и вы не смогли бы, если бы были знакомы с моим папой. Папа вообще похож на памятник. При виде папы любому недоброжелателю лучше задремать.

- Таиланд? - предложил кто-то из гостей.

- Да вы что, - Серпов грозно посмотрел на него. - Там же у власти король. Негоже коммунисту находиться в стране, стонущей под лапой монархии.

- Кто стонет под лапой? - не поняла дама с кудрями, сидевшая напротив.

- Бразилия?

- Слишком далеко, и они там все футболисты.

- Вопрос в том, наши футболисты или не наши.

- Наши - те как раз совсем никуда не годятся. Стон один.

- А! - обрадовалась кудрявая дама. - Так это футболисты стонут. Но почему под лапой? Может быть, под лампой?

- Япония?

- К империалистам не поеду, - отрезал папа.

- Чехия! Англия! Индия! Гондурас!

- Но-но! - гневно пискнул Серпов. - Нехорошо при женщинах выражаться.

- Ничего, - тетенька напротив тряхнула кудрями. - Я же понимаю, что это медицинский термин. Значит, футболисты просто болеют, э-э-э, дурасом.

Тут я стал от смеха сползать под стол. Гости продолжали выкрикивать названия стран, смеяться было больно, и, по-моему, никто уже ничего не соображал.

- Стоп, - рявкнул папа, и все так и застыли в разнообразных позах. - Я решил, - продолжил он уже нормальным голосом, - мы поедem в Марокко.

Кто это «мы»? Я перестал смеяться и вылез из-под стола.

– Мы, – папа посмотрел на нас с мамой и Кларой. Это был удивительный поворот.

– Я не могу уехать в середине семестра, – капризно и одновременно жалобно, так только она умеет, сказала Клара. Сестру назвали в честь Клары Цеткин, но чем знаменита та Клара, я вам не скажу. Хотя сердце подсказывает, что она была революционеркой. Ох, ведь и меня могли назвать Карлом.

– Я же вообще не выхожу из дома, – удивилась мама. Голос у моей мамы особенный, гулкий, словно она говорит в пустой бидон. Странный голос для фарфоровой статуэтки.

– Что вы! – закричали все. – Владимир Ильич никак не может ехать в ссылку без семьи! – И я понял, что все с радостью поехали бы в эту ссылку вместо мамы и Клары.

Но не вместо меня.

Я к такой ссылке готов с раннего утра и до самого позднего вечера. Даже когда я сплю – тоже всегда готов. Как пионер.

И, кстати, все забываю сказать – меня зовут Витя. Я – пионер Витя Молотков.

Глава вторая

Белая старушка

В Марокко оказалось жарко. Я понимаю, что вы знаете, что в Африке должно быть жарко, но сообщаю, чтобы подтвердить: так и есть.

Теперь о наших делах. Седьмое ноября прошло, и на следующий день мы уже вылетели в Марокко. О котором, скажу честно, я вообще ничего не знал. Как и о том, из-за чего заварилась вся эта каша.

Только в самолете папа рассказал, что какие-то плохие люди (вероятно, буржуи, а может, оппортунисты) хотят отнять его завод, и защиту завода должен организовать товарищ Климент Серпов. Почему не сам папа, я не понял, но спросить побоялся: завод для папы – самое ценное, что есть в его жизни. Кроме, конечно, нас и коммунизма.

Давным-давно, еще во времена СССР, папа пришел на этот завод простым рабочим. И много лет что-то вырезал на токарном станке. В этом смысле я считаю, что мне повезло с папой, потому что, уверен, в нашем классе никто не знает, чем токарь отличается от слесаря.

Так папа работал, пока не вступил в коммунистическую партию – он говорит, что это было сложно и брали не всех. После этого его назначили мастером, потом начальником цеха, одновременно папа заочно окончил институт. Чтобы вас совсем не забалтывать, расскажу финал: когда папа стал директором завода, Советский Союз закончился, о чем папа грустит до сих пор, ну и я вместе с ним.

Я не жил в СССР, и про то время сейчас всякое рассказывают, но если папа из простого рабочего к тридцати годам стал директором целого завода, то, наверное, кое-что было неплохо.

Папа с этим своим заводом намучился сначала – там случилась разруха, например вообще не было денег. Но потом все наладилось и папа страшно разбогател, но так как он человек принципиальный, то у него все работники получают часть прибыли – они все собственники завода. Словом, бедных работников у папы нет. На работе у них бесплатная столовая, для детей бесплатный детский сад, и в отпуск на море они тоже ездят бесплатно.

Рабочие папу ценят и любят, можно сказать, даже обожают, но я, наверное, не буду токарем. А на директора я не похож внешне. Я где-то посерединке.

Ну вот, теперь, когда картина для вас еще немного прояснилась, можете полюбоваться, как мы сидим в самолете. Папа у окна. Он любит смотреть в окно во время полетов, так же как и я – я сижу прямо перед ним и наслаждаюсь видом облаков. Рядом с папой сидит мама с бледным лицом: она летать боится, и ее мутит.

Я про нее толком ничего не рассказал, но особенно и нечего. Они познакомились с папой, когда он уже стал директором, а она просто продавала на улице мороженое. Папа купил у нее пломбир и тут же влюбился. После свадьбы она уже больше никогда не работала, хотя я считаю, что продавать эскимо и пломбир на улице – это хорошая работа. И веселая.

Мама сидит дома с таким же выражением лица, как и в самолете. Радуетса она только в тот момент, когда протирает свои десять тысяч фигурок из фарфора.

Рядом с мамой – Клара, тоже бледная. Но она сидит, вцепившись в телефон, смотрит в экран не отрываясь и так жадно, что, кажется, еще немного, и она его съест.

Это был уже второй самолет на сегодня, так что мама бледнее обычного в два раза, а мы с папой довольны. Каждый год мы с ним летаем в Сочи, а мама с Кларой едут туда на поезде. Но до Марокко на поезде не доедешь. Африка все-таки.

Пересаживались мы с самолета на самолет в Риме, где я бегал по аэропорту вдоль и поперек – это пока папа ел, а мама с Кларой сидели и не шевелились, как скрепки. Мне вообще нравится все новое, тем более когда на голову сваливаются неожиданные каникулы. Восторг и воля.

У меня такой же телефон, как у сестры, но я по нему только звоню. В игры я наигрался пару лет назад, а все остальное мне скучно. Вы не поверите – я люблю читать книги. Белая ворона, так про меня говорят.

Но вот наконец посадка – это, конечно, не так интересно, как взлет, но тоже ничего. В общем, мы приземлились в Африке, и там было жарко.

Мне сразу понравилось в Марокко. Мы приехали в город Марракеш, что, как оказалось, значит «марокканский».

Мы ехали по этому Марокко в квадрате, здания вдоль дороги были невысокие, в основном красно-бурого цвета.

– Правильный выбор, – довольно сказал папа, и я удивился сходству цвета его лица и марокканских кирпичей. – Красный, – солидно подытожил он, – в сердце каждого простого человека.

Хотелось чего-нибудь африканского кроме жары, но ни слонов, ни обезьян, даже захудалого попугая – и того не было. Ни жирафов с зебрами. Было много желтых такси, но у нас они тоже попадают.

В гостинице все было отделано плиткой, пестрой и в основном красной. Двери номеров выходили на галерею, которая шла вокруг крытого внутреннего двора, тоже украшенного плиткой. Над двором висела здоровенная кованая люстра, лампочки в которой работали слабо, а внизу был фонтан, который работал хорошо.

До вечера все спали, а я мучился. Пока не удрал потихоньку и не вышел на улицу, где у красной стены стоял очень рыжий осел и жевал что-то пыльное. Он и сам был пыльный и немного похожий на нашу учительницу по русскому языку. Только с более добрыми глазами.

Я вернулся в гостиницу, и когда настал вечер, небо стало синим. Мама с Кларой остались страдать в номере, а мы с папой пошли гулять по старому городу.

Людей было полно. Они были загорелые, как будто провели на пляже всю свою жизнь, отдыхая с пользой для здоровья. Одеты местные люди в основном были как обычно, хотя попадались и в странных шапочках, а кое-какие дяденьки и в белых платьях ниже колен. Все направлялись в одну сторону.

Папа радовался. Обычно он немного хмурится, даже когда все хорошо, а он сидит в тренировочном костюме и пьет чай у нас на кухне. Но вот кухня осталась далеко, как будто ее вообще никогда не было. Исчез и тренировочный костюм. И получилось, что никакой Москвы и Красной площади теперь нет, как корова языком слизнула – или вот тот самый рыжий осел слизнул. Был Марракеш и площадь, на которую мы вышли.

– Джема-эль-Фна! – радостно произнес одетый тетенькой дяденька и протянул папе руку ладонью вверх.

Папа не растерялся, пожал ему руку, и мы шагнули в водоворот.

Первым аттракционом, который нам попался, была гадалка, энергично бросавшая карты перед собой. Дальше встретился жонглер. А вот уже после него – ловля веревочной петлей на длинной палке больших пластиковых бутылок. За горлышко. Я думал, что после изобретения компьютерных игр такие штуки должны были устареть, но нет: в этой параллельной реальности не устарели. Вокруг ковра с десятком бутылок стояла плотная толпа, и все сильно сопереживали.

Люди кричали, смеялись, даже немного выли от восторга. Конечно, ни у кого не получалось как следует зацепить бутылку, но за дело взялся мой папа. Я и глазом не успел моргнуть, как он сунул мне в руки пиджак, схватил удочку с петлей и давай ее накидывать.

Сначала у него, как у всех нормальных людей, не получалось, но папа очень волевой, он здорово вспотел, но с десятой или двадцатой попытки петля на горлышке бутылки с розовым лимонадом все-таки затянулась.

Настал решающий момент. Теперь бутылку нужно было поднять и вынести за пределы ковра. Глядя на папу, я и сам немного вспотел, и показалось, вся толпа вокруг тоже немного вспотела от волнения. И совершенно зря: я ни разу не видел, чтобы у папы что-то не получилось.

Зарябила барабанная дробь – хотя, наверное, это просто птичья стая пролетела над площадью. Площадь напыжилась, глядя, как бутылка отрывается от пыльного ковра и повисает в воздухе, выдохнула, стала недоверчиво тарашиться, и я подумал, что мой папа первый, у кого получается этот трюк.

Еще я понял, что никто не верил своим глазам до последнего и, может быть, даже надеялся, что розовая бутылка все-таки шлепнется, что вызовет у всех веселое облегчение и смех. Но если папа решил: надо – значит, надо.

Короче говоря, бутылка выехала за пределы ковра и приземлилась не хуже того самолета, на котором мы прилетели.

– Ура! – или что-то вроде того закричали все местные жители, а их к этому моменту собралось не меньше миллиона человек. – Ого-го! – кричали они, и топали ногами, и хлопали руками – в общем, выражали настоящий восторг. В

центре стоял папа и улыбался, прижимая к животу свой приз – бутылку розового лимонада.

Я встал к папе поближе. Мне хотелось, чтобы всем было понятно, что мы вместе. Хотя это и так было очевидно – кроме нас белых лиц больше не было. И всем, конечно, было ясно, что это мой папа и с него, так сказать, стекают на меня ручейки славы.

Так мы и стояли, как памятник победителям, пока с другой стороны к папе не пристроился еще один мальчик, чумазый и сразу мне не понравившийся.

На всякий случай я пристально посмотрел на него – постарался отшвырнуть его взглядом.

Я не раз думал, что лучшее место для того, чтобы любить всех людей на земле, – это собственная квартира. Или даже диван, на котором ты лежишь с романом Сименона в руках.

Такие мысли я держу при себе и папе про них никогда не говорю. Он мне сто раз объяснял, что пионер – это интернационалист. И что дети всех стран равны. А если это страдающие дети пролетариата, грязные и несчастные, то их я прямо должен любить особенно сильно.

В этот момент грязный мальчик показал мне кулак, а следом сделал что-то совсем невозможное. Он засунул руку в папин карман, вытащил бумажник, нахально улыбнулся мне, еще более нахально подмигнул, сплюнул сквозь зубы и исчез в толпе.

Вот так номер! Нужно было сразу броситься за ним, догнать, отнять! Но у меня как-то не вышло. Я только глупо хлопал глазами и дергал папу за рукав – но он был так занят своим триумфом, что не обращал на меня внимания.

Наконец все разошлись.

– Папа! – сказал я несчастно. – У тебя украли бумажник.

– Да ну, – широко сказал счастливый папа, хлопнул себя по карману, но почему-то улыбаться не перестал.

– Это был мальчик, – объяснил я. – Такой неприятный, грязный немного. Он незаметно залез к тебе в карман.

Договорить я не успел. Папа положил мне на плечо свою тяжелую гранитную руку, и слова застряли у меня в горле, как монеты в окошке возврата монет.

– Ничего, – сказал папа и потрепал меня по затылку, чего я терпеть не могу. – Наверное, тому мальчишке просто есть нечего. Наверное, у него младшие братья и сестры сидят голодные. Мать родная. Пусть поест – а мы не обеднеем.

Я очень люблю своего папу, уважаю его, даже немного боюсь. Но иногда он говорит так, словно повторяет за кем-то слова. Они, эти слова, конечно, ему нравятся, но лично мне бумажника было жалко. К тому же было件нятно, что папе сегодня еще попадет. И от мамы, и от Клары.

К тому моменту, когда мы вернулись, мама и Клара уже выспались, отдохнули, так что действительно взялись за папу всерьез. Они хотя и не похожи внешне, но ругаются почти одинаково. Только если мама – пилит, то Клара – сверлит.

Папа обычно не обращает на весь этот визг никакого внимания, вот и на этот раз не стал. Мама и Клара, конечно, тоже сверлили скорее по привычке. Во-первых, потому, что, как я уже говорил, папа у меня напоминает памятник, в тени которого мы все обретаемся и нам очень спокойно и хорошо от этого. А во-вторых, пилить папу – только пилы тупить.

– Давайте, – сказал он, – лучше пить лимонад. Видите, какой он розовый, почти по-пролетарски красный.

Лимонад оказался невкусный, но и это не испортило папе настроение. Он отправился спать с улыбкой на лице, и я тоже перестал расстраиваться.

На следующий день полагалось осматривать город Марракеш. Мы прошли через вчерашнюю площадь, позавтракали толстыми четырехугольными блинами в кафе, выпили холодного апельсинового сока и отправились бродить по узким

улицам.

Скоро стало жарко, мама и Клара надели шляпки и принялись ныть. Но ныли они недолго, потому что, как оказалось, весь центр Марракеша – это сплошной базар. Бесконечные торговые ряды и продавцы, навязчивые и липкие, как леденец без фантика.

Мама и Клара энергично принялись за покупки, папа терпеливо ждал и платил, а я глазел по сторонам – мне было интересно видеть всю эту пестроту и вдыхать новые запахи. Я не особенно следил за мамой и Кларой, зная, что за ними следит папа, но все же заметил, что моя старшая сестра направилась куда-то одна.

Потом Клара не могла объяснить толком, почему ее потянуло в этот проход, только пролепетала что-то про «хорошенький платочек». А дальше произошло вот что.

Я видел, что Клара сомнамбулически удаляется, и кто-нибудь вроде бы должен ее остановить, но не останавливает, – на этом-то я полминуты и потерял. Клара успела скрыться в проходе среди развешанных ярких ковриков и не менее ярких тарелочек, а когда я нырнул туда – ее уже не было. Пропала!

Мне нужно было разорваться и одной половиной бежать к родителям, а второй – на поиски Клары, но разорваться не вышло, и я побежал за сестрой.

Ряды ковриков и тарелочек были бесконечными, и, несмотря на волнение, я подумал, где же взять такую прорву туристов, чтобы все это продать. Ясного ответа не было, зато базар неожиданно закончился, и я оказался на пыльной, выжженной солнцем улице, со всех сторон запакованной в глиняные дома. На этой улице я обнаружил Клару. В большой и зловещей компании.

– Привет, – жалобно и капризно пролепетала Клара, и я увидел, что компания, окружившая ее, не такая уж и большая: четыре черных маленьких чертенка, а если без художественности – просто четверо мальчишек, один из которых был вчерашний папин вор.

Я узнал его, а он узнал меня.

– Германия? – нахально спросил он и еще более нахально показал на светлые волосы Клары, так что я даже подумал, что есть в Кларе, действительно, что-то германское.

– Нет! – ответил я гордо, вспомнив вчерашние папины слова. – Мы из России! Мы коммунисты!

– Мы любим Россию, – сказал голодающий мальчик и протянул руку ладонью вверх. – Бакшиш!

Никогда такого слова не слышал, но почему-то сразу понял, что он хочет денег. И еще я сразу понял, что он не голодающий, а совсем наоборот. Кроме того, я ужасно струсил, потому что не знал, что делать дальше, а никаких денег, конечно, давать не собирался. Их у меня даже и в помине не было.

Клара стояла неподвижно, как будто происходящее ее не касалось.

– Пойдем, – сказал я.

– Ладно, – пискнула она капризно, но с места ей двинуться не дали. Приятель нашего вора схватился за Кларину сумочку, так что я прямо обомлел.

Солнце светит, улица, глина – вроде всё понятные вещи, но в голове какой-то колокольный ужас.

– Бакшиш! – с угрозой крикнул вчерашний мальчик.

Клара вырвала сумочку, я же, подумав, что сестра иногда на удивление решительна, взял да и ударил, несколько кривовато, мальчика в нос. После чего вообще перестал соображать.

Конечно, нужно было бежать именно в этот момент. Но, на свою беду, мы остались.

Мальчик-разбойник вытер кровь под носом и страшно засмеялся. Смеялся он неспроста. Его дружки в этот момент раскричались – это я слышал, но от волнения плохо, – и из соседних домов повалили люди, как будто только этого и

ждали. Казалось, их не меньше, чем было вчера на площади, когда папа совершал подвиг с бутылкой.

«А кстати, – медленно подумал я, глядя, как толпа уже не маленьких, а совсем взрослых и даже немолодых разбойников, с бородами, в белых своих разбойничьих одеждах, окружила нас со всех сторон, – если сейчас не придет папа, то нам конец».

Солнце пекло, и все вокруг стало белым: и глиняные дома, и воздух. Даже все разбойники перестали быть смуглыми и чернобородыми – мы оказались в окружении совершенно белых теней, если вы представляете.

Можно сказать, конечно, что это я рехнулся от страха, но тогда вы поймете, почему я ни капельки не удивился, когда толпа расступилась и к нам, как на сцену, вышла маленькая старушка – вся в белом, понятно, да еще с белым же кружевным зонтиком.

– Что случилось? – спросила она тихо, но очень внятно.

– Почему вы говорите по-русски? – изумился я.

– Потому что я русская, – ответила старушка. – Расскажи очень коротко, что тут у вас за катавасия.

Ох как я обрадовался, услышав такое родное слово!

– Вчера он украл у папы кошелек, – я показал на маленького араба со слегка опухшим носом. – А сегодня... – словом, я действительно постарался быть предельно кратким.

Я тараторил, и во мне расцветала надежда, что старушка в белых кружевах что-то сможет сделать со всей этой шайкой.

Шайка, кстати говоря, тоже не молчала. Взрослые разбойники расспрашивали маленького, тот размахивал руками, злобно показывая то на меня, то на Клару. Взрослые в ответ шевелили бородами. Кольцо сжималось вокруг нас.

Когда я затылком уже чувствовал их жаркое дыхание, старушка заговорила. И как это она исхитрилась выучить арабский язык? Но выучила хорошо, говорила без остановки, уверенно, я бы даже сказал, напористо, и зонтик в ее руке сновал, словно парус над волнами.

Что она говорила? Мы с Кларой слушали очень внимательно. Я даже рот открыл, но, в отличие от разбойников, которые тоже слушали не отрываясь, не понимал ни слова. Если бы я знал, что мне так понадобится арабский, я бы ночей не спал, а выучил.

Старушка закончила свою речь, и тут произошло удивительное. Один разбойник, самый старый, подошел к мальчику с опухшим носом и дал ему такую затрещину, что тот свалился, а я подумал, что сейчас и мне несдобровать. Но ничего подобного: всхлипывающего мальчика разбойник схватил за ухо и поволок прочь, тот разрыдался, и стало его мне жалко, как самого себя.

Толпа загалдела, и тут откуда ни возьмись появились папа с мамой. Папа от волнения был совершенно красный и дымился, как паровоз, и даже мама покраснела слегка – не то тоже от волнения, не то от белого солнца.

– Что такое, товарищи? – закричал папа, вскочив в середину толпы и с облегчением увидев нас. – Все в порядке, товарищи! – продолжил он, а собравшиеся уже расходились. – Ну вот! – обрадовался он. – Я знал, что простые люди сердцем понимают, что мы такие же, что мы на одних баррикадах.

– Папа! – зарыдала Клара и бросилась в объятия к маме, успев показать в броске на старушку. – Это она нас спасла!

– Спасибо! – грянул папа. – От всей души. Я Владимир Ильич. Красный директор, – он протянул старушке руку.

Она величаво наклонила голову и тоже протянула папе руку... ладонью вниз. Словно ожидала, что папа ее поцелует!

– Очень приятно. Княгиня Зинаида Андреевна Трегубова.

– О господи, – пролепетала мама.

А папа взял и поцеловал княгине руку.

Глава третья

Изменение в нашей жизни

Вот чем может закончиться невинная прогулка по узким улицам магрибской медины. «Магрибская» означает «североафриканская», а «медина» – в прямом переводе просто «город», на самом деле – его старинный центр. Это все объяснила мне моя знакомая княгиня. Которая... но лучше, как она говорит, начать ab ovo, то есть «от яйца» – в смысле с самого начала.

Завязку вы уже знаете, но не знаете, что все мы, обалдевшие от знакомства со всамделишной княгиней, прямо вцепились в нее. Это же как с персонажем из книги познакомиться! Например, с Бабой-ягой. Хотя в нашем случае совсем наоборот, потому что кроме удивления нас переполняло еще и сильное чувство благодарности.

Вся наша семья скакала вокруг княгини восторженными зайцами. Потом папа отвел всех в ресторан, и мы сели, разглядывая ее и желая задать сразу сто тысяч вопросов.

– Дело в том, – сказала княгиня, – что я прожила здесь всю жизнь и хорошо знаю местных людей. Они без зазрения совести украдут у вас деньги, но обижать женщину здесь не принято, и вы, мон шер, – это она обратилась ко мне, – сделали единственную возможную и правильную вещь, встав на защиту чести своей сестры.

У меня аж коленки задрожали от удовольствия! Меня еще в жизни никто не называл моншером, а тем более не хвалила настоящая княгиня. Я зашмыгал носом и, наверное, покраснел.

– Когда я им это объяснила, исход дела был решен, – закончила она.

– Но как? – удивилась мама. – Как же это вы прожили здесь всю свою жизнь? – мамин бидонный голос выражал удивление страшной силы.

Белая старушка дотронулась до броши на кружевной блузке и улыбнулась.

– В этом нет ничего странного, – сказала она. – Мои родители бежали и оказались в конце концов в Касабланке. В «белом городе», в котором уже очень много лет назад родилась я.

– А от чего, от чего бежали ваши родители? – не унималась мама.

– Как же? – удивилась княгиня Трегубова. – Конечно, от большевистского мятежа. От диких красных орд.

«Вот так номер», – подумали мы разом и уставились на папу, который молчал и пламенел, как стяг. Удар был силен: называть мятежом диких орд любимое, можно сказать, святое для папы предприятие! Я подумал было, что папа сейчас задушит нашу спасительницу, что будет не очень вежливо. С другой стороны, я порядочно растерялся. Пусть я и не такой, как папа, певец коммунизма, но если самая родная душа прославляет именно такое дело, значит, и я за него.

Папа поднялся, навис над княгиней, как утес, и сказал:

– Буду очень рад, если вы составите нам компанию в путешествии. Конечно, если у вас есть свободное время.

– С удовольствием, – ответила княгиня. – К несчастью, свободного времени у меня хоть отбавляй.

Вот так Зинаида Андреевна стала не только нашей знакомой, но через некоторое время почти членом семьи.

Она проехала вместе с нами по марокканской земле и столько всего интересного показывала и рассказывала, что рот у нас четверых почти никогда не закрывался. Разве что иногда во время еды или во сне – хотя последнее точно не известно, ведь никто себя во сне не видит.

«А как же папа?» – спросите вы. Ну или я сам спрошу, потому что, не скрою, его предложение княгине присоединиться к нашей компании поразило меня до глубины души. А папа молчал, несмотря на то что все ему задавали разные вопросы, – и я тоже задавал. Все мы немного волновались, ожидая какой-нибудь неожиданности или даже взрыва.

В общем, он промолчал целый день и заговорил, только когда мы оказались в Легзире – это такой курортный поселок на берегу Атлантического океана.

Мы с папой гуляли по пляжу, прошли под знаменитой каменной аркой – в общем, было красиво и удивительно. И тогда папа сказал:

– Я молчал целый день, потому что хотел разобраться.

– Ну и как? – поинтересовался я. – Как твои успехи?

– Хорошие, – папа рубанул ладонью. – Подходящие успехи. Не могу же я воевать со старушкой, пусть и дворянского происхождения. Потому что я готов бороться с эксплуататорами и белогвардейскими бандитами, но не со старой женщиной. Красные – люди хотя и простые, но благородные.

– Понятно, – протянул я, хотя мне не все еще было ясно. Радуюсь, конечно, что взрываться папа не будет. – Так ведь она чуждый элемент, – вовремя вспомнил я одно из любимых папиных выражений.

И вот тут он меня совсем огорошил.

– Понимаешь, – сказал он, – эта белогвардейская старушка никогда не была на родине и не видела, например, мой красный завод. Как же у нее могут глаза открыться? Как же она может узнать, что коммунизм – это счастье для всех людей в мире?

– Конечно, – согласился я. – Конечно, не может.

– Но мы это поправим, – папа снова энергично махнул рукой, словно давая кому-то по шее. – Мы ее увезем с собой в Москву, я ей покажу завод, и глаза у нее обязательно откроются.

А тут как раз подошли мама, княгиня и Клара, которая под влиянием Зинаиды Андреевны стала поживее и перестала без конца пялиться в телефон. Папа орлиным взглядом окинул атлантический закат и сделал свое предложение.

– Я всю жизнь мечтала побывать на родине, – сказала княгиня. – Но, к сожалению, у меня недостаточно для этого средств.

– Средства?! – захохотал папа. – Мы, коммунисты, всегда готовы прийти на помощь своим товарищам!

– Боюсь, – сказала княгиня, – слово «товарищ» ко мне не очень применимо.

– Папа щедрый, – пискнула Клара. – Он и господам помочь может. – Щеки и лицо стали у нее цвета заката, потому что фраза получилась довольно глупой.

В общем, так или иначе, а княгиню мы уговорили, и я оттого, что она согласилась, преисполнился такого энтузиазма, что никак не мог заснуть, вылез в конце концов в окно и долго бродил по пляжу. Слушал шуршание прибоя и смотрел на яркие белые пятнышки в воде: то ли это звезды отражались, то ли какие-то фосфоресцирующие существа вели свою ночную жизнь.

– Я должна кое-что объявить, – сказала Зинаида Андреевна на следующее утро за завтраком, когда в окно лился свежий океанский бриз, сияла белизной крахмальная скатерть, а тосты с апельсиновым джемом упоительно хрустели. – Дав согласие поехать, – продолжила княгиня, – я поддалась чувствам, не в последней степени связанным с тем, что я привязалась к вам и полюбила вашу семью. Однако щепетильность подсказывает мне, что все-таки я не могу принять такое щедрое предложение без условий.

– Какие условия? – удивилась мама.

– Самые простые, – княгиня обвела нас всех взглядом. – Я поеду с вами, только если смогу отплатить чем-либо. Поэтому я предлагаю, – обратилась она к родителям, которые сидели рядом, словно собрались фотографироваться, – свои услуги в качестве бонны. Так это называлось прежде. На современном языке – если вы примете меня няней для ваших детей. Я могла бы кое-чему научить их. От манер, – я шмыгнул носом и моментально убрал локти со стола, – до французского, немецкого или арабского языка, которыми я владею свободно.

– Ах, – пролепетала Клара, а я с неуместным хрустом откусил еще кусок тоста, после чего замер. Я давно знаю: если начать слишком веселиться, то даже совсем близкая радость может улететь, как бабочка.

– В целом, – бидон маминого голоса зазвучал таинственно, и все поняли, что дальше она еще не придумала, что сказать. – В целом, – повторила мама и строго посмотрела на папу.

– А я не против, – произнес папа залихватски, словно собирался следом запеть или бросить шапку на пол. После чего подмигнул как-то всем сразу. – Мы, коммунисты, за знание и обучение. Это нам завещал великий Ленин. Кстати, – снова подмигнул папа, – и арабский пригодится.

– Да, – гулко подтвердила мама, поняв, куда ветер дует. – Чтобы общаться с угнетенными. Правильно?

– Правильно! – сказал папа. – А теперь купаться. Закаляйся смолоду! – В этот раз он подмигнул мне индивидуально. И мы пошли к океану.

Мы плавали и брыкались в волнах, которые тоже брыкались, как сильные рыбы, а на берегу в кресле, принесенном из отеля, сидела княгиня. Вся в белом. Я не описал ее толком, но если вы в состоянии представить себе стопроцентную княгиню – то да, вот именно так она и выглядела.

Глава четвертая

Удивительный гоголь-моголь

Мы вернулись домой. В нашу краснознаменную квартиру. Здорово было оказаться в своей комнате, увидеть все то же, что и всегда, но при этом понимать, что жизнь изменилась к лучшему. Это я, конечно, про княгиню.

Зинаида Андреевна получила комнату недалеко от моей, и, по-моему, комната ей понравилась. А теперь спросите меня: чего это я, можно сказать, стал

обожать странную белую старушку? Которая, если честно, совершенно не подходила, если можно так выразиться, к интерьеру нашей большевицкой квартиры, к нашему ясному и безоговорочному быту.

– Как интересно, – сказала она, когда по приезде мы все вместе впервые торжественно вошли в большую комнату, – как много красного цвета вокруг. В прежние годы у нас он в таком количестве появлялся только на Рождество. Но на праздник вообще все украшалось. А у вас, – она с нескрываемым удивлением снова обвела взглядом все вокруг, – такое ощущение, что праздник каждый день.

– Трудовые будни – праздники для нас! – ответили мы хором. Искренне, ведь эта веселая фраза означала просто, что у нас все хорошо и что у нас и в самом деле каждый день праздник.

– Поразительно! – Зинаида Андреевна подошла к окну и увидела Кремль. – Неужели это Кремль? – в этот раз ее удивление прозвучало восторженно, так что я возгордился и даже немного приосанился. – Значит, вы очень состоятельная семья, как я и думала. Но все-таки, – видно было, что она обдумывает фразу, – для настоящего праздника нужно предварительно много работать. Думать, делать... по крайней мере, прежде так было принято.

– Это мы тоже умеем, – папа тоже радовался произведенному впечатлению. – Кто не работает, тот не ест!

– Да? – в этот раз удивление княгини хвалебным не было. – Мне раньше не приходилось слышать столь оригинального высказывания.

Ну теперь-то вы хоть немного меня понимаете? Наша жизнь перестала быть окончательной, что ли, у нее, у жизни, открылись другие горизонты, распахнулись створки, и, мне кажется, вся наша семья стала больше думать. О чем? Сейчас расскажу.

Все началось на второй день, когда княгиня отчитала Дуню. Хотя начала с папы.

– Простите великодушно, – обратилась она к папе, который появился на кухне, как обычно, в тренировочном костюме, – но отчего у вас завтрак подают здесь, а не в столовой?

Не ожидавший такого поворота, папа ответил не сразу.

– Ну как же, – пробормотал он, – поближе к народу.

– Безусловно, – сказала Зинаида Андреевна ясно, – прислуга имеет свои права, но главное, как и у всех нас, это обязанности. Которые она выполняет не лучшим образом.

– Как? – изумление папы было так велико, что даже не могло перейти в раздражение. – Дуня наша помощница – она помогает...

– Я понимаю, – обратилась княгиня в этот раз к Дуне, – что быть кухаркой и горничной одновременно очень хлопотно, но отчего же вы готовите для всей семьи одинаковые блюда? Ведь вы, наверное, знаете, что для мальчика в гимназическом возрасте обязательны особые кушанья?

– Знаю, – если уж папа смешался от такого поворота событий, то что говорить о Дуне – она просто блеяла и растворялась на глазах.

– Замечательно, – похвалила княгиня кисель, в который превратилась Дуня. – Значит, условимся, что с завтрашнего утра наш юный герой будет получать гоголь-моголь.

– Какой еще моголь? – на кухне появилась мама, тоже, как обычно, одетая в спортивный костюм, только у папы он красный с полосочками, а у мамы красный с чем-то блестящим вроде сияющих бус.

И как это только удалось Зинаиде Андреевне? Она еще не сказала ни слова, но мамин великолепный наряд сразу поблек, словно попал под грозовую тучу, так что мама и сама слегка уменьшилась.

– Как говорят, – строго сказала княгиня, – этот десерт придумала графиня Потоцкая, но даже если и не она – значения не имеет. Просто он очень питателен и прекрасно подходит юным созданиям, овладевающим знаниями и идущим в жизнь. – Княгиня милостиво улыбнулась Дуне. – Я сейчас же научу вас, а вы, – обращаясь уже к папе с мамой, – вы, милостивые государи мои, соблаговолите выходить к завтраку одетыми как полагается. Глядя на вас,

воспитываются ваши дети.

– Значит, завтра накрывать в столовой? – пошевелилась Дуня.

Взгляд княгини был таким, что, будь я в этот момент на месте Дуни, я бы тотчас накрыл в столовой, а потом лег на стол и умер. Завтрак прошел в молчании.

В школе, а точнее в гимназии, где я учусь, всем, конечно, было интересно узнать, куда это я исчезал, но я решил помалкивать. Во-первых, никто не поверит, а во-вторых, я и сам вдруг засомневался, что все это происходит с нами. Вот приду домой, а никакой Зинаиды Андреевны, никакой княгини, а только красные звезды привычно мигают с Кремля.

Уроки закончились, я кинулся домой, как будто за мной гналась дикая собака, бежал и трусил, а когда влетел, потный и встревоженный, то тут же наткнулся на княгиню.

– За тобой гналась дикая собака динго? – спросила она, а я, мокрый и жалкий, просто сопел и радовался.

На завтрак следующим утром все собрались как на парад. Папа – в костюме и при галстуке, мама – в платье в цветок под названием мак, заспанная Клара, которая вечером допоздна советовалась с мамой, что ей надеть, и я, которому было проще всего. У нас в гимназии форма.

Стол был застелен белой скатертью, и надо было как-то за столом размещаться. Поначалу мы сгрудились на одном конце рядом с папой – так казалось безопаснее, тем более что стол, как вы знаете, у нас здоровенный.

– Нет, – сказала мама, озирая практически бесконечное белое поле. – Зачем мы собрались как бедные родственники?

– А кто-то еще будет? – зевнула Клара и быстро захлопнула рот. – Может быть, мы с мамой сядем с той стороны, а вы с папой с этой? – почему-то обратилась она ко мне.

Я посмотрел на молчащего папу и кивнул. Ничего другого в голову не приходило. Мама с Кларой сместились и сидели теперь так далеко, что хотелось пригласить почтового голубя для общения.

– Середина не занята, – наконец принял участие и папа. – Рассядемся, чтобы занять как можно больше места.

В результате папа и мама сидели друг напротив друга по длинной стороне стола, а мы с Кларой по короткой. Образовались, так сказать, параллель и меридиан.

Дуня же бездействовала. Она стояла в дверях большой комнаты, слегка притоптывала и немного постанывала, что выглядело, конечно, смешно, но сильно хотелось есть. Что отвлекало от комичного Дуниного поведения.

Разгадка настала с появлением Зинаиды Андреевны. Дуня выпрямилась, развернула плечи, выпятила грудь и зачем-то выпучила глаза.

– Можно подавать? – спросила она молодецки.

– Конечно, – удивилась княгиня, – давно пора подавать. Почему же это вы так замешкались? Так из-за вас все опоздать могут.

Мы все были совершенно не виноваты, но пока княгиня говорила все это Дуне, захотелось выпрямиться и даже немного выпучить глаза. Тут как раз и на нас обратили внимание.

– О господи! – княгиня даже поднесла ко лбу руку, так, вероятно, ее поразило зрелище того, как мы красиво и аккуратно расселись. Потом она с серебряным звуком засмеялась. – Очень величественно, – наконец сказала она. – Но ведь это завтрак, а не торжественный молебен. Почему бы вам не сесть просто как кому хочется?

– А мне здесь нравится, – храбро сказал папа.

– И мне, – слаженно поддержали папу Клара и мама.

Что мне оставалось делать? Пришлось сидеть и ждать, пока Дуня принесет мне гоголь-моголь. Он оказался густой и сладкий, так что тут же захотелось добавить соли, горчицы или хрена. Я поднял глаза над стаканом, встретился взглядом с Зинаидой Андреевной и понял, что ничего не выйдет. Придется мучиться.

Глава пятая

Клара в огне

У Клары есть ухажер.

«Ухажером» или «молодым человеком» его называет мама, хотя, по мне, это просто нудный длинный и нечесаный тип, который приходит к Кларе без всякого дела и сидит.

Ухажер носит очки и имя не то Владик, не то Славик. То есть, может быть, он Станислав, или Владислав, или еще как-нибудь, но я про себя зову его Власик. Наверное, из-за длинных волос или потому что он немного скользкий. Как шампунь.

Он со мной даже не здоровается, а только шипит и криво улыбается. В университете Власик не учится, он работает программистом, да и то не каждый день. Собственно, этот его удивительный график стал причиной идеологических боев мамы с папой.

Папа считает, что Власик «эксплуататор и бездельник». Ну, собственно, раз бездельник, то и эксплуататор. Папа уверен, что все должны работать, а кто не работает, тот эксплуатирует труд других людей. Он все это сто раз говорил маме, которая как раз не работает, но это его не смущает. Считается, что мама нас воспитывает.

Мама же, как неработающий элемент, Власика привечает. Власик в ответ маму любит, а папу боится. Понятно, что и Клара Власика любит, а я вот не очень. Если бы у нас в доме имелась баррикада, мы из-за этого типа были бы по разные

ее стороны.

Была среда, я вернулся домой, а по одному из боковых коридоров слонялся Власик, вяло улыбался и блестел очками. Я наткнулся на него случайно, разминуться было невозможно, пришлось подойти и поздороваться.

– Привет, – прошипел Власик так снисходительно, что сразу захотелось его стукнуть, но я сдержался. И прошел бы уже мимо, но он остановил меня вопросом: – А что это за бабуся у вас поселилась? Родственница, что ли?

Ну, вы понимаете, как я разозлился, прямо разбушевался. Каким нужно быть недоразвитым типом, чтобы княгиню назвать бабусей! Но опять сдержался: как раз вчера Зинаида Андреевна объясняла мне, что громко выражать свои эмоции можно только в очень редких, особых случаях. В общем, за своими эмоциями я стал следить.

– Нет, – сказал я холодно. – Это не наша родственница.

– А кто же? – ухмыльнулся Власик, и я испугался, что эмоция может оказаться сильнее меня.

– Это наша няня, – ответил я твердо, давая понять, что разговор окончен.

– Няня? – Власика скрючило вдвое, так что я даже испугался, не аппендицит ли это, но, как выяснилось, у болвана просто случился приступ смеха. – Няня? – прошипел он, когда возможность шипеть вернулась к нему. – Это для тебя, что ли? Для маленькой деточки? А я думал, ты уже обходишься без соски.

Я прямо онемел от Власиковой невообразимой наглости, щеки у меня загорелись, как лампочки, но тут, на мое счастье, появилась мама.

– Ах! – сказала она, радуясь Власику, который был несомненный негодяй, только она этого почему-то не видела. – Вы к Кларе? А она еще не вернулась с занятий. Но вы можете подождать в ее комнате.

– Нет, спасибо, я попозже зайду, – сладко прошипел Власик, и вот тут я впервые подумал о том, что даже не то важно, что неизвестно кто пустил его в дом, а то

важно, что он бродил по квартире, хотя должен был сразу узнать, что Клара еще не пришла. Впрочем, мысль эта как-то сразу улетучилась.

Вечером было очередное столкновение на почве Власика.

– Ну что? – спросил папа, когда все уже поужинали и нацелились пить чай. – Опять приходил твой нечесаный эксплуататор? – спросил он у Клары. Папа поел, вид у него был добродушный, но Клара все равно вспыхнула. Лицо у нее загорелось, но уже не как лампочка, а как костер в осеннем лесу. То есть кроме алых огненных появились на ее щеках багровые и иных красивых цветов пятна. Еще она стала похожа на факел. Гневно посмотрела на папу и вышла, не соизволив ответить. Вся она в этом – удивительное сочетание внешней хилости и решительной гневности. Кисейная барышня, у которой неожиданно отрастает наган.

Вот тут вступила мама.

– Что же ты делаешь, Владимир Ильич? – мамин голос-бидон был укоряющим в наивысшей степени. – Ты желаешь лишить собственную дочь единственного ухажера. Видишь, как она вспыхнула. Значит, у нее пожар чувств.

– Я желаю, – добродушно, но по-тигриному ответил папа, – чтобы этот тип постригся для начала, тогда будет понятно хотя бы, на кого он похож. Ведь сейчас за метлой у него на голове нельзя ничего разобрать.

А на следующий день с утра я впервые увидел, как плачет Дуня. Слезы текли и капали прямо как из крана – в смысле, непрерывно, и кран этот нужно было срочно закрыть, потому что в таком темпе Дуня бы просто вытекла из себя целиком. Мы все бросились ее утешать и расспрашивать. Стояли, толкались, галдели, но проку никакого не было.

– Не реви, – просто сказала появившаяся к этому моменту княгиня, и Дуня тут же прекратила.

– Я не брала, – первое, что она смогла сказать.

Речь, оказывается, шла о серебряной солонке – пожалуй, единственном буржуазном предмете, который был у нас дома. Если не считать маминых фарфоровых легионов, конечно. Эту солонку папа подарил маме на свадьбу, и в этом можно было бы увидеть скрытый смысл, но я его не видел. Солонка была похожа на шишку, и я к ней привык.

– Ну, напугала, – гулко сказала мама. – Найдется еще.

– Нет, – капризно звякнула в ответ Дуня. – Как же она найдется, когда я приготовилась на стол ее отнести к завтраку, а ее нигде нет. Значит, выходит, что я ее взяла.

Стало понятно, что сейчас она снова заплачет. Но Зинаида Андреевна не дала.

– Не нужно плакать, – сказала она. – Нужно еще раз хорошо посмотреть. Ведь в доме не бывает чужих людей.

«Как это не бывает?» – вихрем пронеслось в моей голове.

– А как же Кларин ухажер? – сказал я вслух. Хорошо, что Клара сегодня ушла рано, иначе не быть мне живым после таких слов.

– Так у Клары есть воздыхатель? – спросила княгиня, и по ее взгляду я понял, что слово «ухажер» не вызвало у нее восторга.

– Есть, – обрадовалась мама.

– Нечесанный бездельник, – подтвердил папа.

– И он вчера здесь был, – я был настроен мстительно.

– И что же? – спросила княгиня. – По вашему мнению, он мог взять чужую вещь?

– Да, – сказали мы с папой, мама же, естественно, сказала «нет».

– Ну тогда, – подвела черту Зинаида Андреевна, – давайте все займутся своими делами, Дуня подаст завтрак, а после мы вместе с ней поищем пропажу.

В общем, я продолжал радоваться весь день, потому что наша княгиня, по моему разумению, должна была быть гораздо умнее, чем всякие выдуманные старушки из детективных романов, и, следовательно, Власик вскоре будет пришпилен к позорному столбу. О Кларе я тоже думал. Вот если она не ест, «бережет фигуру», чтобы понравиться Власику, то, значит, делает одну глупость ради другой глупости. Да и не должны такие, как Власик, нравиться Кларе, для меня это очевидно.

С трудом я дождался ужина, за которым, как я предполагал, должно было состояться разоблачение. Съев, как обычно, пару ложек супа, от бараньей котлетки Клара отказалась, выпила компот и собралась уходить.

– Посиди еще с нами, – попросил папа, и Клара остановилась. – У нас разговор про твоего...

– Молодого человека, – быстро вставила мама, оберегая Клару от травмы, которую готовился нанести папа.

Маневр удался не вполне, потому что Клара все быстро поняла.

– Вы к нему цепляетесь! – капризно сказала она. – А он хороший.

– Он бездельник, да еще, оказывается, и проходимец, – сделал выпад папа, и Клара покраснела. Сплошное загляденье, а не цвет лица.

– Владимир! – кинулась на выручку мама, и вот уже оставался лишь шаг до скандала, как вступила княгиня.

– Я прошу вас остыть, – сказала она тихо, и в очередной раз волшебным образом все послушались. И даже цвет Кларино лица стал более розовым, подугас, в общем. – Прежде всего, – продолжила Зинаида Андреевна, обращаясь к Кларе, – вы должны знать, что кое-что произошло. А именно – пропала семейная реликвия, серебряная солонка.

- Неужели? – чирикнула Клара, и ее почему-то снова бросило в жар.

- Так вот, – княгиня была невозмутима, – из посторонних людей в доме был только ваш знакомый, так что невольно подозрения пали на него.

«Подозрения пали» – чертовски хорошо это было сказано! Подозрения, так я сразу вообразил, в виде тяжелого старого чемодана с книгами свалились на Власика, и теперь ему оставалось только стонать, валяясь, и шевелить лапками.

- Но... – лицо Клары можно было принять за красный сигнал светофора.

- Но, – не дала ей продолжить Зинаида Андреевна, – никаких доказательств его вины нет, следовательно, согласно презумпции невиновности и благородству, которое мы должны проявлять в любой ситуации, счесть его замешанным мы не можем. Тем более не выслушав его самого.

Как по заказу, прямо в этот момент в дверь позвонили. А потом на пороге столовой появился Власик – длинный и жалкий.

- Прошу садиться, – сказала ему княгиня, но он даже не пошевелился.

- Не хочу, – прошипел он. – Вообще не понимаю, зачем вы меня позвали.

- Прошу вас, – так же спокойно повторила Зинаида Андреевна, и Власик все-таки пополз к столу, как змея за дудочкой.

Мы сидели в тишине, посматривая друг на друга, и я все ждал, что княгиня сейчас разразится речью в стиле Эркюля Пуаро, маски будут сорваны, а преступник прямо на месте умрет со стыда. И действительно, кое-кто от стыда почти что умер.

- К сожалению, – Зинаида Андреевна обвела взглядом всех нас, пока не остановила его на мне, отчего сердце мое подпрыгнуло и шлепнулось, как калоша в лужу. – К сожалению, – сказала она, – в этой ситуации мы все повели себя довольно неосторожно.

Ничего себе! Я посмотрел на Власика, который сидел и сопел как ни в чем не бывало.

– Взять хотя бы вас, мон шер, – княгиня указала рукой на меня, и я почувствовал, что на меня перекинулся Кларин пожар. – Вам, я вижу, не по душе друг вашей сестры, но все же непременно нужны доказательства, твердая уверенность, что кто-то совершил проступок. Вы понимаете меня?

– П-понимаю, – кивнул я. Щеки мои пламенели, потому что как-то неожиданно оказалось, что я едва не сделал что-то очень некрасивое. Или сделал?

Экзекуция тем временем продолжалась.

– Прошу меня простить, – в этот раз княгиня обратилась к папе. – Вы взрослый человек, но, право, ваши оценки и выводы совсем как у гимназиста. Ведь, насколько я знаю, вы ни разу даже не поговорили... – плавный жест рукой в сторону Власика, – и имеете самые поверхностные представления о характере этого человека, принципах и прочем. Не так ли?

Ого! Я смотрел, как папа краснеет. Если так пойдет дальше, мы все превратимся в краснокожих, а точнее, красноголовых. Папа кивал, наливаясь как синьор Помидор, а эстафету приняла мама.

– То же самое, – неожиданно объявила Зинаида Андреевна, обращаясь на этот раз к ней, – я могу сказать и про вас, сударыня. Довольно легкомысленно полностью доверять воздыхателю собственной дочери, основываясь только на том, что он ей нравится.

Пожаролицая мама попыталась что-то сказать, но у нее не получилось. Ненавистный Власик довольно поглядывал сквозь очки на наше Ватерлоо. Я видел, что все рушится, что нужно как-то спасти положение. И не нашел ничего лучше, как выпалить:

– А он – он! – я ткнул пальцем во Власика. – Он болтался по коридору, хотя, я уверен, быстренько выяснил, что Клары нет дома!

– Туше. – Станным образом в этот раз княгиня не ругала меня, хотя не очень-то сдержанно я повел себя.

Все воззрились на Власика.

– Я, – прошипел он, – я, – было видно, что он давится словами, – я, – наконец выдавил он, – я просто заблудился. А вот этот, – он изрезал меня взглядом, – вообще меня ненавидит. – Власик вскочил и выбежал из комнаты. Следом за ним, сверкнув в мою сторону взглядом, больше похожим на стилет, конечно, бросилась Клара.

Взрыв и немая сцена.

– Вот видите, – довольно сказала Зинаида Андреевна, – как оказывается, всему есть объяснение.

– Я не очень много из всего этого усвоила, – призналась мама и даже сама, по моему, удивилась.

– Все очень просто, мои дорогие друзья, – улыбнулась княгиня. – Воздыхатель вашей прелестной Клары – робкий и неуверенный в себе юноша, а вы к нему либо предвзяты, либо относитесь безразлично.

– Но он же работает не каждый день, – не захотел сдаваться папа.

– Помилуйте, – удивилась Зинаида Андреевна, и я впервые в жизни заподозрил, что папа может быть неправ, – вы разве не осведомлены, что есть профессии творческие, связанные с вдохновением, когда обыкновенное сидение за столом ровным счетом ничего не приносит? Дело в том, что когда человек думает – а это очень большая работа, – никто этого не видит.

– Ладно, – согласился папа, потому что давно пора было капитулировать, – но где же солонка? Если ее не взял ваш творческий бездельник, тогда, может быть, она куда-нибудь закатилась? Давайте осмотрим все комнаты.

На последних словах в комнату стрелой влетела Клара. Глаза ее горели, а про щеки я уже сто раз сказал.

- Не нужно ничего осматривать, - княгиня опустила руку в карман своего домашнего платья и достала серебряную шишку. - Вот пропажа.

- Как прекрасно! - обрадовалась мама.

Румянец спал с ее фарфорового лица - оно стало выглядеть как обычно.

- Ничего не понимаю, - папа тоже стал обычного цвета, но до конца не утихомирился. - Куда же она делась? То есть откуда она взялась?

Княгиня поставила солонку на стол.

- Поверьте, - сказала она, - никто ее не похищал и даже не планировал. И, скажем так, я случайно нашла ее.

- Но где? - папа настаивал, а я увидел умоляющий взгляд Клары. Догадка, словно шуруп, двинулась было в моей голове, но тут же застряла.

- Я позволю себе, - ясно сказала княгиня, - не раскрывать эту крошечную тайну.

Спорить было бесполезно, вот папа и не стал. Родители вышли - остались княгиня, я и Клара.

- Уйди, - сказала она жалобно и капризно, но я из вредности не послушался.

- Я думаю, - Зинаида Андреевна была серьезна, - брат сохранит вашу тайну.

«Сохранит, - думал я напряженно, - конечно, сохранит, только знать бы, что это за тайна».

- Если ты, - угрожающе сказала Клара, - хоть кому-нибудь хоть когда-нибудь скажешь, что я ем у себя в комнате, я тебя...

«Ах вот что! - я был потрясен. - Значит, за столом Клара не ест только для вида, а на самом деле она - лопает! Когда никто не видит! Вот это да!»

– Угрозы ни к чему не приводят, – остудила Зинаида Андреевна Клару, лицо которой впервые за весь вечер приобрело нормальный вид. – А благородный человек всегда будет хранить чужую тайну. Даже если узнал ее случайно. Не правда ли?

Я постарался кивнуть как можно благороднее.

Глава шестая

Папа в заводе

С раннего детства слово «завод» меня очень интересовало. Я знал, что можно завести часы, можно – машину, а потом вдруг всплыло, что есть такая большая железная штука, которая называется «завод». То есть она как бы воплощение процесса.

Посещение завода – это тоже процесс. Папа очень любит водить туда гостей, потому что завод – дело его жизни и квинтэссенция идеологических и философских воззрений. Это он так говорит. Не каждый с первого раза такую фразу запомнит.

Если простыми словами, папа заводом гордится и считает его воплощением коммунизма, то есть натурального счастья на земле. А он там главный.

Папа всем рад демонстрировать свою славу, и радость, и все остальное. Но в случае с княгиней Трегубовой завод еще и главное оружие, чтобы победить ее белогвардейские представления.

Когда наступила суббота, папа встал, наверное, раньше всех, чтобы как следует подготовиться. К тому времени, когда я оказался в столовой, он уже позавтракал и теперь сидел как чересчур заведенный будильник, то есть как будто немного подпрыгивал на стуле. Мне даже показалось, что он волнуется, а такого я ни разу в жизни не видел.

Наконец и все остальные позавтракали, но остались дома – только папа в красном галстуке да княгиня в своем неизменном белом наряде отправились на торжественную экскурсию.

Вы можете спросить: чего же это мы, то есть я, например, не поехали? Ответ – я на папином заводе был бесчисленное число раз, знаю даже такие редкие слова, как «шпиндель». Шпиндель вертится – вращает кусок металла, из которого выходит красивая деталь. Шпиндель – это часть станка, которых на заводе много и производство идет полноводной рекой. Скажу еще, что на фоне других удивительных устройств, которые есть у папы, шпиндель – это каменный век.

Рабочий день на папином заводе короткий, потому что все очень стараются и производительность труда «погуще, чем на их буржуйском “Боинге”».

Везде царят чистота и порядок. Заводская столовая даст фору «многим буржуйским ресторанам». Там каждый день готовятся три разных меню: для тех, кто ест мясо – то есть не капризничает; для тех, кто ест исключительно овощи; для тех, кто ест что-то совсем с вывертом – вроде соевых котлеток или салата из одуванчиков. Папа, конечно, призывает «сплотиться и быть как все, но при этом соблюдая плюрализм».

На территории завода есть бассейн, поликлиника, кегельбан и клуб, где устраиваются представления и все время выступают артисты «согласно пожеланиям рабочего человека». Если у вас есть сомнения в том, что завод может быть прекрасным, приезжайте и посмотрите – и на золотистый песок на дорожках, и на верхушки разросшихся деревьев. И даже на три банановые пальмы! Жаль только, бананы на них не растут. Зато на елках всегда есть шишки.

Нравится ли всё, что напридумывал мой папа, его рабочим, инженерам и, положим, бухгалтерам? Или, может, они работают из-под палки? Конечно, нравится. Поэтому папу, который искренне считает, что счастье должно быть «общедоступным и повсеместным», так же искренне любят и рабочие, и инженеры, и бухгалтеры. А товарищ Серпов без конца говорит, что папа ему как старший брат, хотя вот это уже несусветная глупость.

Время шло – папа, наверное, уже всю прыгал вокруг княгини и, заливаясь соловьем, показывал мощь и красоту своего завода. Где все было хорошо, но,

надо признаться, кроме бассейна и кегельбана, там водились еще несознательные элементы. Кто-то прогуливал, кто-то опаздывал, кто-то, страшно сказать, умудрялся отставать в социалистическом соревновании. Как будто в соревновании все могут одновременно выиграть.

Все эти лодыри и отстающие тоже любили папу, может быть даже больше остальных, но с ними нужно было что-то делать.

Их брали за манишку. В моем представлении – старомодный, со множеством складок белый крахмаленный широкий галстук.

Так вот, нарушителя брали за этот галстук и тащили на партсобрание – нужно ли говорить, что все на заводе, конечно же, члены коммунистической партии?

На партсобрании, которое проходило у нас дома, нарушителя «пропесочивали» и «прорабатывали». Присутствовали кроме папы товарищ Серпов и члены парткома. Не совсем понятно, зачем всю эту инквизицию разводить у нас дома, но есть у меня одна догадка. Я думаю, что таким образом папа боролся с «буржуазной негой», проще говоря – брал работу на дом.

Из-за закрытой двери папиного кабинета в такие дни раздавались рык и стоны, так что казалось, это древнеримские львы терзают гладиатора. Я мысленно подыскивал другие сравнения, когда на меня надела Клара со своими глупостями. Ей нужно было, видите ли, придумать, как заманить назад ее ненаглядного Власика. Нашла с кем советоваться.

– А ты пригласи его на ужин в свою комнату, – брякнул я неблагородно, и последующие два часа прошли для меня быстро в интенсивной ссоре со старшей сестрой.

К обеду мы помирились, а когда уже сидели за столом и Дуня осторожно, как спящего младенца, вносила в столовую супницу, появились наши экскурсанты. Мне ужасно интересно было узнать, какое впечатление на княгиню произвел папин завод.

Однако пришлось подождать – как всем нам объяснила Зинаида Андреевна, не следует начинать разговоры «с самого начала трапезы», потому что «прежде надлежит утолить голод». Правило сразу показалось мне очень разумным – ведь

действительно, особенно не поболтаешь, когда есть хочется. Кроме случая, когда тебя самого съедает любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/oleynik_mark/krib-ili-krasnoe-i-beloe-v-zhizni-taynogo-pionera-viti-molotkova

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)